

В. В. Селиванов¹**ФЕНОМЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Санкт-Петербург уникален уже хотя бы тем, что построен не так, как традиционно строились города — на холмах и по высоким берегам рек, а на болотах, при низких берегах реки, периодически заливающих улицы и набережные города. Тем более уникальными воспринимаются стоящие близко от берега реки, посреди болот, тяжелый Исаакиевский собор и огромная колонна — Александрийский столп, самая высокая и массивная колонна в Европе, чудо из цельного гранита, не перестающее удивлять гостей города своей величественностью и мощью. Можно найти много удивительных особенностей и черт города, но, пожалуй, феномен Санкт-Петербурга — не в отдельных деталях и многочисленных исторических и архитектурных достопримечательностях, не в особом его городском устройстве, тоже необычном и смелом в своем развороте и к морю, и к огромным пространствам сухих и болотистых лесов, и не в ожерелье окружающих его предместий с фонтанами, парками и дворцами. *Феномен Санкт-Петербурга* — в его особой обращенности к самой трехсотлетней истории России и Европы. Именно Санкт-Петербург первым из российских городов впервые заговорил с Европой на понятном ей языке и впервые был услышан, хотя и с удивлением, тревогой, настороженностью. Услышан он был не только потому, что стал столицей Российской державы, но прежде всего потому, что раскрылся перед Европой как удивительный и не познанный ею мир тонкой чувствительности и высоких философских открытий. Мир Европы, разделенный на западный и восточный, именно Петербургом стал осторожно сближаться

и соединяться в своих границах и предпочтениях. Не сразу, но постепенно дух Петербурга стал проникать в Западную Европу. Нельзя сказать, что он что-либо определил в ней, но он привнес в нее новые свежие идеи, новое видение окружающего мира, новые формы сознания и мышления. И Европа все пристальнее стала присматриваться к его творцам и посланникам. Музыка и живопись, литература и театр как посланники Петербурга оживили и обогатили те связи, которые постепенно все расширялись и углублялись между двумя половинками единого европейского материка. Здесь речь не идет о соперничестве русских городов — конечно, и другие города, в том числе Москва, вносили посильную лепту в укрепление связей и контактов, во взаимопонимание и сотрудничество между Россией и Европой. Но дело не только в развитии взаимосвязей.

Феномен Санкт-Петербурга заключался и в том, что город не стремился к этим связям; они формировались сами в силу того, что Петербург, впитывая новое знание культурных особенностей европейских стран, не воспринимал эти традиции как нечто чуждое России, а по-своему, в собственном духовном котле ассимилировал и переваривал новые веяния, синтезируя европейские творческие успехи с глубинным российским духом. Именно от Петербурга шла эта линия самоуглубления, самораскрытия содержания и смысла человеческой жизни, человеческого бытия. И. А. Крылов и А. С. Пушкин мощно синтезировали российские и европейские духовные традиции, создавая шедевры русской литературной классики. М. Ю. Лермонтов и Н. В. Гоголь, подхватив эту традицию и обогатив ее опыт, еще в большей степени расширили границы духовного развития. Санкт-Петербург оказался мощным генератором творческих идей, возбуждая отечественное самосознание и раскрывая Западу глубокие

¹Профессор кафедры философии и культурологии Российского гуманитарного института при СПбГУ, главный научный сотрудник, заведующий сектором Государственного Эрмитажа, доктор философских наук.

истоки славянской души. Не красота города, его архитектура и роскошь играли определяющую роль в феномене Петербурга, а сама противоречивость жизни, острота впечатлений, неоднозначность происходящих событий, наиболее полно ощущаемая в молодой столице, будоражили сознание, активизировали мысль, вызывали творческие импульсы, оборачивавшиеся философией, искусством, литературой, социальными идеями и политической активностью. «Нигде я не предавался так часто, так много скорбным мыслям, как в Петербурге», — написал А. И. Герцен. А затем добавил: «... и за них я полюбил его». В романах Н. А. Гончарова дана чисто русская оценка изменений, происходящих в чиновничьем и коммерческом мире российской повседневности, романы и дневники Ф. М. Достоевского глубоко затронули не только отечественного, но и зарубежного «европейского» читателя. Особое место в истории духовности Петербурга занимают гражданская ответственность и социальная направленность статей В. Г. Белинского и стихов Н. А. Некрасова. Духовная атмосфера города никому не позволяла остаться в стороне от сложных противоречий и социальных потрясений.

В этой духовной атмосфере, помимо философских и социальных проблем, впервые в России были затронуты вопросы о высокой значимости русской и российской культуры. Трудно пройти мимо имени академика Александра Николаевича Пыпина (1833–1904), оказавшего глубокое влияние на развитие самосознания не только петербуржцев, но и представителей обществности всей России, а в начале XX в. — и Западной Европы. Он явился, как об этом пишут специалисты, самым значительным представителем культурно-исторической школы, которая впервые поставила задачу исследования не отдельных гуманитарных дисциплин, а в широких масштабах — развития всей многообразной культуры. Многочисленные работы и статьи А. Н. Пыпина в «Современнике» (до его закрытия в 1866 г.) и «Вест-

нике Европы» приобретали широкую известность среди большого круга читателей не только в России, но и за рубежом. Всего А. Н. Пыпиным было издано около 1800 оригинальных исследований, переводов и древнерусских литературных произведений, найденных им в сохранившихся рукописях.

Помимо А. Н. Пыпина, в Петербурге вели свои исследования и такие выдающиеся ученые, как Александр Н. Веселовский и Алексей Н. Веселовский, В. И. Семевский, Е. А. Соловьев (Андреевич), С. А. Венгеров, Н. И. Кареев, Г. В. Плеханов, Н. К. Пиксанов, П. Е. Щеголев и др. Учеником и последователем А. Н. Пыпина и Александра Н. Веселовского считал себя и Д. С. Лихачев.

Серебряный век в истории города также был не случайным, а закономерным явлением, особенно ярко проявившим тенденцию к ассимиляции в русских традициях течений западноевропейской философии и миропонимания. Блестящие литераторы и философы, оригинальные живописцы и графики, издатели и журналисты, музыканты и композиторы стали создателями особой творческой атмосферы, впитавшей в первые десятилетия XX в. все тревоги и противоречия Нового времени. В. И. Иванов и А. А. Блок, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова, многие другие представители Серебряного века отразили в своем творчестве ту духовную атмосферу, которая сложилась в самые кризисные дни Российской империи.

В этой напряженной духовности, в которую погружался каждый мыслящий, творческий человек, становясь в этой атмосфере активным участником общего состояния, я и вижу феномен Санкт-Петербурга, определивший героический подвиг и в годы блокады, и в период восстановления города, и во время репрессий, и в годы обновления, и в настоящее время. Будем надеяться, что эта особенно яркая черта — феномен высокой духовности — не покинет Санкт-Петербург и в новых открывающихся для города надеждах и перспективах.